

ПРАВОСЛАВНАЯ БИБЛИЯ В ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

История русской миссии в Японии открывается прибытием в Хакодате в 1861 году в качестве настоятеля храма при русском консульстве иеромонаха Николая Касаткина (1836—1912). Архиепископ Николай, создатель и первоиерарх Японской православной церкви, почивший в 1912 году, был причислен к лику святых 31 марта 1970 года, как равноапостольный святитель, просветитель всей Японии. Результатом миссионерской деятельности архиепископа Николая явилось создание не только национальной Японской православной церкви, но и первого перевода Библии и богослужебной литературы на японский язык. Святителю Николаю удалось осуществить перевод Священного Писания, который был сопряжён с рядом некоторых проблем.

История христианства в Японии претерпела несколько этапов развития: от восторженного принятия новой религии японцами до полного её запрета в 1639 году. В 1637 году, доведённые до крайности непосильными налогами, христиане о. Кюсю, возглавляемые ронином (самураем, лишившимся своего господина), подняли бунт, известный как Симабарское восстание. Вскоре после разгрома восстания была введена система обязательной ежегодной регистрации всех японцев в буддийских приходах (так называемых «домашних храмах»), которая гарантировала непринадлежность членов этих приходов христианской церкви [1, с. 15]. Со времени Симабарского восстания на христианскую религию легло новое нареkanie, что она учит сопротивлению властям, и должна быть запрещена. Последние запретительные эдикты японских правителей против христианства содержали такие выражения: «Пока солнце восходит с Востока, христианский проповедник не явится более в стране»; «... хоть бы сам Бог христианский пришёл в Японию, — и ему голова долой» [2, с. 138]. Святитель Николай прибыл в Японию, когда христианская проповедь ещё была запрещена законом под угрозой смертной казни. По замечанию отца Николая, «японцы смотрели на христиан, как на зверей, а на само христианство, как на злодейскую секту, к которой могли принадлежать лишь отъявленные чародеи и злодеи» [3, с. 194—195].

Первое, с чего начал святитель Николай, приехав в Японию, — это углублённое и тщательное изучение японского языка, как разговорного, так и книжного. В 1907 году архиепископ Николай в Токио перед собранием тысячи слушателей произнёс двухчасовую речь, которая была несколько раз прерываема рукоплесканиями, когда святитель пользовался примерами и сравнениями, с точки зрения японцев, неизвестными европейцу. Японская печать отмечала, что архиепископ Николай знает Японию лучше самих японцев [3, с. 195].

О трудности изучения японского языка святитель Николай писал в своём дневнике: «Много было потрачено времени и труда, пока я смог присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. Недаром когда-то католические миссионеры писали, что японский язык изобретён самим дьяволом с целью отравить Японию от христианских миссионеров» [4, с. 7].

Святитель Николай всегда считал, что в переводческих трудах заключается вся суть деятельности миссии, и в настоящее время работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одною устною проповедью. По словам святителя, времена Франциска Ксавье (первый католический миссионер в Японии), бегавшего по улицам с колокольчиком и сзывавшего таким путём слушателей, прошли. «В Японии же, — пишет святитель, — при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым, прежде всего, нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и красиво и дёшево изданную» [5, с. 36—37].

Архиепископ Николай делал акцент, что «не перевод Евангелия и Богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, но наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно ложественных иероглифа или выражения и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдаю предпочтение общераспространённому, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большего напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого православия» [5, с. 38].

До православного перевода Евангелия в Японии уже существовали католические переводы Нового Завета на китайский язык. Именно поэтому святитель Николай и начал перевод Нового Завета не со славянского текста, а с китайского: «...инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить и овладел тем, самым простым и лёгким, способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных учёных сочинений. С этим знанием немедленно же приступил к переводу Нового завета на японский — переводу не с русского: отыскивать китайские знаки для каждого русского слова — труд далеко еще не под силу мне, да и бесполезный, — а с китайского, дело, по-видимому, лёгкое: японец, хорошо понимающий китайскую книгу, переводит Евангелие на японский, причём почти каждое слово выражено не китайским знаком, но около него поставлено японское чтение, а затем все грамматические формы выражены также японскими фонетическими знаками. Моё дело было — с другим учёным японцем проверять и исправлять перевод. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь с китайским текстом, не дошёл до окончательного разочарования в авторитетности его» [6, с. 127].

Первый перевод Евангелия на японский язык был осуществлён епископом Николаем и его помощником Павлом Накаи в 1889 году по китайскому тексту Нового Завета Американского Библийского общества 1852 года и переводам Русской духовной миссии в Китае. Все имена собственные перелаживались японской азбукой согласно славянскому Евангелию, а не Вульгате (самый ранний перевод Нового Завета на латинский язык был сделан в I—II веках н. э. В 386—405 годах его пересмотр предпринял блаженный Иероним (347—419), создав так называемую Вульгату (Vulgata, т. е. народная). Вульгата включает в себя не только Ветхий, но и Новый Завет и Библию короля Иакова (перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Иакова I и выпущенный в 1611 году), как в исходном американском переводе. Эта работа епископа Николая и Павла Накаи была написана одними китайскими иероглифами [7, с. 187]. Первый православный Новый Завет на японском языке был издан двумя книгами: большого формата для богослужебного пользования и малого формата для чтения мирянами.

Перевод этот не был совершенным. Невольно заимствовались богословские эквиваленты согласно интерпретации американских протестантов, а использование лишь китайских иероглифов делало текст непонятным на слух. Для восприятия смысла необходимо было визуально представлять написание самих иероглифов. Поэтому спустя шесть лет епископ Николай приступил к работе по собственному переводу Евангелия [8, с. 183—184].

Святитель Николай считал, что Священное Писание нужно переводить так, чтобы при сохранении стиля и смысла оригинала «каждое слово доходило до ума и души слушателя и читателя» [6, с. 129]. Нужно было выбрать не только адекватную лексику, но и грамматику. Основная проблема заключалась в том, что в Японии конца XIX века многие крестьяне говорили на диалекте своей «земли» и с трудом понимали соседей, живущих в других населённых пунктах. Поэтому святитель Николай выбрал язык бунго — официальный книжный и письменный язык знати и дворянства. Бунго сформировался во многом под воздействием китайской лексики и грамматики. Благодаря использованию китайской лексики можно было передавать достаточно сложные и содержательные тексты, и при чтении звучание иероглифов адаптировалось в соответствии с японской фонетикой [9, с. 17].

Святитель Николай очень внимательно относился к выбору конкретных грамматических форм бунго, консультируясь со многими специалистами и анализируя грамматику и тексты литературных памятников. Он отказался от простонародных глагольных форм прошедшего времени («орэри», «кэри») и («эрува») (глагольные формы древнеяпонского языка), долго анализировал необходимость повтора послелога («то») после последнего из перечисляемых существительных, употребление вопросительных частиц («ка» и «я») после формы на «си» и т. д. [9, с. 17].

Главные трудности при переводе были связаны с тем, что многие иероглифы японского языка использовались буддистами и синтоистами. Это придавало им определённый смысловой оттенок, делавший невозможным их употребление в православном контексте. Все термины, касающиеся буддийского абсолютного существа как безличного, нирваны, детерминистического определения человеческой воли, составляли особую проблему, так как совершенно расходились с православным представлением о личном Боге, рае, свободной воле человека [10, с. 16]. Таким образом, переводчикам приходилось изобретать совершенно новые слова, прибегать к редким чтениям иероглифов или использовать не столь распространённые их сочетания. Благодаря такой деятельности создавались новые лексические единицы.

В переводе Евангелия святителя Николая в одних случаях наблюдается замена слов и понятий на синонимичные. Например, «хлеб» в молитве «Отче наш» заменяется на «пищу» — катэ (иероглиф с корнем «рис»); «целовать дом» в напутствии посылаемым на проповедь Апостолам переводится как «спрашивать о здоровье» (ан-о тоу). В других случаях используется буквальный перевод (это касается метафор, ставших устойчивыми выражениями-пословицами). Например, употребляется «метать бисер перед свиньями», а не аналогичное по смыслу японское выражение «бросать золотые монеты кошкам» [11, с. 135—136].

Интересен перевод понятия «Слово» – котоба, которому был дан православный смысл. В протестантских и католических текстах в качестве перевода Бог-Слово использовался китайский термин «Дао», или «Мити» (путь, дорога), что могло вызвать буддийские или синтоистские мистические ассоциации, несвойственные христианству [11, с. 136—137].

Самым известным лексическим нововведением святителя Николая стало создание нового иероглифа для слова «Дух». Иероглиф «ками» (бог, дух) обозначал синтоистские божества. Архиепископ использовал тот же иероглиф, но поставил ему в соответствие чтение «син», и теперь иероглиф обозначал понятие «Дух». «Утром обычное дело исправления перевода Нового Завета. Дошли до слова “дух”, труднейшее из слов во всем Новом Завете, и не знаешь, что делать; употребить ли старое, давно вышедшее из употребления начертание “син”, которого не найти ни в каких лексиконах... но это значило бы посадить мумию среди живых; сочинить ли новый иероглиф... если первое не будет принято, но это значило бы посадить самодельную куклу среди живых. Кажется, самое лучшее — употребить тоже “син”, но с кружком, который бы обозначал, что разумеется “дух” (син), а не Бог (ками)» [6, с. 131].

Интересен перевод на японский язык отдельных слов. Так, например, «книжник» был переведён как «законник» или «учитель, учёный»; «язычник» — «беззаконный». Вместо «йота» используется японское слово, связанное с традиционной каллиграфией, которое можно перевести как «черта, пункт, штрих» [6, с. 131].

Особую проблему составлял перевод термина «грех» (думи): «“Думи-зай” значит “преступление”, за которое следует посадить в тюрьму; оттого-то китаец, да японец, не может понять, за что миссионер его укоряет, когда он не совершил ничего такого, за что бы мог опасаться тюремного заключения; какдалеко от этого грубого понимания христианское понятие душевной порчи и растленного состояния» [7, с. 184].

Результатом трудов по переводу архиепископа Николая был особый, выработанный им на японском языке богословский православный словарь. Термины архиепископа Николая были точным переводом славянских и греческих слов. Архиепископ Николай никогда не допускал вульгарного упрощения переводов. Он предпочитал, чтобы верующий с некоторым усилием постиг правильный, хотя и более трудный текст перевода.

Востоковед Д. Позднеев, лично знавший архиепископа, приводит текст письма к американскому миссионеру Джеффрису. В этом письме протестантский епископ в Киото просит прислать ему партию книг, переведённых архиепископом Николаем, и среди них перевод Евангелия в 50 экземплярах. «Чтобы не говорили о переводах архиепископа Николая, — пишет епископ, — но не может подлежать никакому сомнению, что его перевод книги Деяний Апостольских и Евангелия от Иоанна незримо выше всех существующих» [10, с. 17].

Сейчас Японская православная церковь пользуется переводом Нового Завета 1901 года, осуществлённым епископом Николаем и Павлом Накаи. Эта толстая книга большого формата написана вертикальным японским письмом и содержит свыше 800 страниц. Чтения иероглифов подписаны катаканой, наиболее употребительной в то время японской азбукой для обозначения фонетических звучаний. Существует другое издание этого же текста, где чтения надписаны знаками другой японской азбуки — хираганы [9, с. 18].

Список цитируемых источников

1. Бессстремная, Г. Е. Переводы христианских текстов на японский язык / Г. Е. Бессстремная // Религиоведение. — 2008. — №3. — С. 12—28.
2. Бессстремная, Г. Е. Православие слово в Японии / Г. Е. Бессстремная // Церковь и время. — № 1 (34). — 2006. — С. 152—238.
3. Бессстремная, Г. Е. Православный перевод священного писания на японский язык / Г. Е. Бессстремная // Церковь и время. — 2005. — № 2 (31). — С. 121—146.
4. Бессстремная, Г. Е. Христианство и Библия в Японии / Г. Е. Бессстремная. — М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2006. — 318 с.
5. Бессстремная, Г. Е. Христианство и переводы Библии в Японии / Г. Е. Бессстремная // Альфа и Омега. — 2006. — № 2 (46). — С. 134—165.
6. *Накамура Кинкюкуэ*. Св. Николай — один из первых японцев России / Кэнсюкэ Накамура // Япония сегодня. — 2004. — № 11. — С. 6—8.
7. Святытель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников / Сост., расшифровка текста и коммент А. Чех. — СПб.: Библиополис, 2001. — 220 с.
8. Позднеев, Д. М. Архиепископ Николай Японский / Д. М. Позднеев. — СПб.: Синодальная тип., 1912. — 54 с.
9. Святытель Николай Японский: краткое жизнеописание, дневники 1870—1911 гг. — СПб.: Библиополис, 2007. — 760 с.
10. *Сергий (Страгородский)*, архим. По Японии (записки миссионера) / С. Страгородский. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье (Общество любителей церковной истории), 1998. — 229 с.
11. “Я здесь совершенно один русский...” / Публ. послеса. письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии. — СПб.: Коло, 2002. — 270 с.